

Проф. К. А. Пажитнов

*С. Волк
11/1924.*

РАЗВИТИЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
В
РОССИИ

ОТ ПЕСТЕЛЯ ДО ГРУППЫ „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА“.

Издание второе дополненное

Издательство „БЫЛОЕ“
ПЕТРОГРАД * 1924

Для Библиотеки
2009-1418/27

Из книг
Ф. М. Сусловой

1917.— Письма Карла Маркса и Фридр. Энгельса к Николаю—опу. 1908.— Бернштейн, „Минувш. Годы“ 1908, № 11 (Карл Маркс и русские революционеры).

ГЛАВА XIII.

Зарождение марксизма. Группа „Освобождение труда“. Г. В. Плеханов и его „Социализм и политическая борьба“ и „Наши разногласия“. Проект программы русских социал-демократов.

Неудача всех программ и движений семидесятых годов и реакция, усилившаяся после разгрома „Народной Воли“, вызвали глубокое уныние в радикальных кругах нашего общества. Этот разгром играл в русской жизни приблизительно такую же роль, какую на Западе играло поражение революции 1848 года. И как там Л. Рейбо, излагая историю социализма, выразил убеждение, что „социализм умер, говорить о нем — значит произнести надгробную речь“, так и русское правительство, добывая последние остатки революционных организаций, рассчитывало, вероятно, покончить с ними навсегда.

Как говорится в заключении официального отчета о ходе социалистического движения в России ¹⁾, „быть может засияет день, когда из всех государств и народов Европы одна Россия в состоянии будет бросить громовое „Quos ego“ разрушительным принципам социализма и революции... Во всяком случае русский народ может видеть в своем будущем ясные, спокойные и счастливые горизонты, без боязни социальных кризисов и переворотов“.

Но и там, и тут этот приговор оказался преждевременным, — движение, которое казалось столь прочно похороненным, скоро ожило и стало распространяться с невиданной ранее силой.

Этот подъем является тесно связанным у нас с возникновением нового умственного течения, известного под именем марксизма.

„Русский социализм“ насчитывал в своих рядах не мало блестящих имен, но нельзя отрицать, что воздвигнутое их трудами здание, хотя и отличалось стройностью и своеобразием стиля, не имело надлежащего, прочно углубленного фундамента, было слишком легко и воздушно. Герцен был великим мастером слова и пользовался европейской известностью, но слава эта покоилась всецело на таланте его, как публициста и обличителя. Имя Бакунина также было достаточно громко, как в России, так и за-границей,

¹⁾ Хроника социалистического движения в России, стр. 357.— Автором ее был генер. Шебеко, товарищ министра внутр. дел.

но он был на своем месте лишь в качестве агитатора, научные же познания его не отличались глубиной и равносторонностью. Лавров обладал огромной эрудицией и выдающимися способностями, но его главный интерес сосредоточивался на философии; в области же социально-экономических и политических вопросов он был не самостоятельным исследователем, а эклектиком, построения которого не удовлетворяли ни ту, ни другую сторону. Чернышевский обладал всеми необходимыми данными для того, чтобы подвести теоретический фундамент под развивавшееся в России демократическое движение, но деятельность его в этом направлении была насильственно прервана в самом начале. Таким образом, выработка научно-реалистической программы оставалась незаконченной. Теория Маркса давала в руки русским социалистам и усовершенствованный метод исследования, и основные исходные точки зрения для выполнения этой работы. В этом заключалась причина ее широкого и победоносного распространения в России с восьмидесятих годов. Имя Маркса и его взгляды были известны в России и раньше. Его „Критика политической экономии“ обратила внимание на себя уже вскоре после своего появления. „Ваш успех колоссален среди мыслящих людей,— писал Марксу в 1860 г. русский эмигрант Сазонов,— и если вам приятно будет узнать, какое впечатление произвели ваши доктрины в России, то я скажу вам, что в начале этого года профессор ...читал в Москве публичный курс по политической экономии, и первая лекция его была перифразом вашего последнего труда“. Сам Сазонов уже раньше подпал под влияние Маркса и заявил себя его учеником, но скорая смерть помешала ему принять участие в пропаганде марксизма.

Русский перевод „Капитала“, появившийся весной 1872 г., был встречен критикой очень сочувственно и разошелся почти за один год в количестве 3.000 экземпляров. В начале же семидесятых годов Н. Зибер начал популяризировать учение Маркса с профессорской кафедры — сначала в своей книге „Теория стоимости и капитала Д. Рикардо“ и в университетских лекциях, а затем в журнальных статьях. Женевский журнал „Народное Дело“ и лавристы также охотно заявляли себя сторонниками или даже учениками Маркса. Однако, в отношении практического применения новых идей между первыми русскими марксистами существовали крупные разногласия.

Будучи ярким марксистом, проф. Зибер в то же время решительно отвергал применение воззрений основателя научного социализма

на практике. По его мнению, капиталистический процесс сам собой, без постороннего воздействия, должен прийти к гибели и замене существующего строя коллективистским. Поэтому, он не придавал значения ни классовой борьбе пролетариата вообще, ни деятельности рабочих партий в частности. К попыткам же нашей передовой молодежи „распропагандировать народ“ Зибер относился, по свидетельству Дейча, более чем отрицательно... Но и для тех, кому необходимость практической борьбы представлялась несомненной, особенности марксистского способа мышления оставались долго незамеченными. Как сторонники „Народного Дела,“ так и большая часть лавристов просто на просто переносили на крестьянство всё то, что на Западе относилось к пролетариату; вполне естественно поэтому, что такой упрощенный метод не мог вывести их за пределы тех решений, которые уже были найдены бакунистами и народниками.

Некоторые же из первых марксистов шли еще дальше и возлагали свои надежды на религиозно-преследуемые части народа. Сюда относится, напр., Ив. Фесенко, который обладал большой начитанностью, пользовался значительным влиянием и основал в Киеве свой особый кружок. Будучи сам выходцем из деревни и хорошо зная ее забитость и темноту, он считал явной нелепостью теорию Бакунина о повсеместной готовности русского мужика к революции; нужно было поэтому искать союзников в другом месте. Главная его мысль была та, что „при умении подойти к сектантам можно было бы перевести присущий им чрезмерный интерес к религиозным вопросам на почву социализма. — Так как сектантов в России считалось около двенадцати миллионов, то успех нашей пропаганды среди них, по мнению этого марксиста, в значительной мере приблизил бы нас к победе“. „До своей встречи с Фесенко, — рассказывает Дейч, — я пытался завязать сношения с рабочими и вести среди них пропаганду. Сошедшись с этим марксистом, я должен был отказаться от всяких таких намерений. Будучи в теории последователем Маркса, Фесенко на практике отдавал сектантам преимущество перед фабричными и заводскими рабочими. Причиной такой его непоследовательности было то, что он, при всем отрицательном своем отношении ко взглядам Лаврова и Бакунина, в конце концов всё же подчинялся господствовавшему тогда в России мнению, что преобладающую роль в долженствовавшей будто бы вскоре произойти революции будут играть не рабочие, а крестьяне. Рабочих же тогда одни

считали слоем, в значительной степени „испорченным городской жизнью“; другие не придавали им самостоятельного значения, в виду незначительного тогда количества их в России, в лучшем случае допуская, что рабочие могут служить связующим звеном между интеллигенцией и крестьянами для распространения среди последних социалистических идей. В этом отношении Фесенко не составлял исключения; знакомство с „Капиталом“ не имело решительно никакого влияния на сделанный им выбор плана практической деятельности¹⁾.

В качестве самостоятельного и при том резко враждебного народничеству течения русский марксизм стал выделяться лишь с начала восьмидесятых годов, когда поражение народовольческого движения особенно остро выдвинуло вопрос о том, куда идти.

В 1883 г. пять русских эмигрантов основали в Швейцарии группу, которая уже одним своим названием—Освобождение Труда—резко выделялась из предшествовавших течений, ставивших во главу угла земельный вопрос. Организатором ее был Лев Дейч, а главным теоретиком—Г. Плеханов, бывший раньше одним из редакторов „Земли и Воли“ и „Черного Передела“; кроме них в состав группы входили П. Аксельрод, В. Засулич и В. Игнатов. В этом же году члены группы выпустили объявление об издании „Библиотеки современного социализма“, в котором, под влиянием более близкого знакомства с формами западно-европейского рабочего движения и более тщательного изучения трудов основателей научного социализма Маркса и Энгельса, отказывались от своих прежних взглядов и разрывали со старыми традициями „русского социализма“. Как показал опыт, несмотря на существование общины и артелей, социалистические идеи плохо прививались в России, и на этой почве не удалось создать мощного народного движения. Были подвиги со стороны отдельных лиц; были героические усилия интеллигенции разбудить народ во имя социального переворота; была масса драматических моментов, свидетельствовавших о поразительном самоотвержении, величии и энергии революционеров; были организаторы и вожди, но армии для них, стихийного выступления народных сил—не было. Тяжелый туман реакции

¹⁾ Л. Дейч, Как мы в народ ходили—„Вестник Европы“ 1910 г., № 10.— Это же, Один из первых наших марксистов. Там же 1911 г., № 12.— Впрочем, после неудачи своей первой попытки вести пропаганду среди сектантов Фесенко более уже не собирался идти в народ, а принялся за занятия с рабочими, что более соответствовало его взглядам.

окутывал всю русскую жизнь. В это именно время складывается новое направление, острым клином врезавшееся в господствовавшее тогда мирозерцание. Среди удушливой атмосферы 80-х годов, на далекой чужбине, зарождалась русская социал-демократия; двадцать лет спустя ей уже суждено было сыграть решающую роль в том перевороте, который по своему влиянию на дальнейший ход развития страны принадлежит к числу величайших в истории России. Нам и предстоит теперь отметить главнейшие этапы на этом пути ее последовательного развития.

Народников разных видов и разновидностей объединяла одна общая мысль: это убеждение, что для России не обязателен путь развития, проходимый Западной Европой. Минув капиталистическую стадию, она может достигнуть прямым путем царства социализма, развивая те начала, которые на Западе давно пришли в ветхость, но которые у нас сохраняют полную силу и значение: общину и артель. Не пролетариат, но крестьянство — надежда России. Против этого и выступило прежде всего новое направление со своей критической работой. Путь развития для нас один и тот же: это путь с Востока на Запад. Не в сохранении остатков натурального строя, патриархальных отношений, а в развитии капитализма лежит залог освободительного движения. Капитализм неизбежен в России; да он уже развивается быстрыми шагами в ее недрах, и только поверхностный или ослепленный предубеждениями взгляд не замечает этого процесса. Вместе с тем, у нас нарастает та новая сила, которой предстоит стать во главе движения. Пролетарий и мужик — это настоящие политические антиподы.

„Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль „мужичка“. На „мужичке“ целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии, а пролетариат в сравнительно очень короткое время распатал „основы“ западно-европейского общества. В России же его развитие и политическое воспитание идет не по дням, а по часам, как у сказочного богатыря. В какие-нибудь 10—12 лет он изменился до неузнаваемости. Русский пролетариат особенно окреп и развился в царствование Александра III, т.-е. в эпоху самой свирепой реакции и самого безотрадного застоя, в такую эпоху, когда интеллигенция безнадежно опускала руки, теряла веру в себя и свои идеалы...“

Такова в общих чертах сущность того мирозерцания, которое новое направление противопоставило народничеству и которое было развито в произведениях Плеханова.

Наиболее жгучим вопросом для русских социалистов того времени являлся вопрос об отношении к политике, и ему была посвящена первая, изданная группой „Освобождения Труда“, брошюра — „Социализм и политическая борьба“, вышедшая осенью 1883 г. Разъясняя здесь основные положения научного социализма, автор критикует попутно анархические идеи Бакунина и Прудона, проповедовавших отрицание государства и политической борьбы. Когда землевольцы порицали „Северный Союз русских рабочих“ за то, что он выставил в своей программе политические требования — это было с их стороны несомненной ошибкой. Ту же ошибку повторило „Зерно“, которое рекомендовало рабочим вести борьбу на экономической почве, добиваться сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, даже убивая шпионов или особенно нелюбимых мастеров и т. д., но ничего не говорило о политических задачах русских рабочих. „Это отсутствие синтеза в революционных взглядах и программах наших социалистов не могло не оказать самого вредного влияния на результаты их деятельности. Охраняя политический индифферентизм, как важнейший признак радикализма их экономических требований, мы тем самым оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кроме того, обрывая наши программы именно на том пункте, где нужно было подвести итог социальным требованиям рабочего класса, мы уменьшали практическое значение этих программ в глазах рабочих, лучше нас понимавших, до какой степени бесплодна разрозненная борьба против отдельных эксплуататоров. К счастью, наше рабочее движение очень рано переросло эту первую фазу своего развития. Ответ „Северно-русского рабочего союза“ редакции „Земли и Воли“ показал, что, по крайней мере, члены этого союза раньше нашей интеллигенции поняли всю неуместность „политического невмешательства“ рабочего класса“ (стр. 41). Признание политики со стороны „Народной Воли“ было началом поворота на правильный путь, но оно не было свободным от многих иллюзий, мешавших успеху дела. Партия „Народной Воли“ — дитя переходного времени. „Ее программа есть последняя программа, родившаяся при тех условиях, которые делали нашу односторонность неизбежным и потому законным явлением. Расширяя политический горизонт русских социалистов, программа эта сама не свободна еще от односторонности. В ней также заметно отсутствие политического глазомера, способности сообразовать ближайшие цели партии с ее действительными или возможными силами. Партия „Народной Воли“ напоминает человека, идущего по настоящей дороге, но еще не

имеющего понятия о расстояниях и потому уверенного в том, что он тотчас же может „верст сто тысяч отмахать и нигде не отды- хать“. Практика разрушит, разумеется, его иллюзию, но это раз- рушение может стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежат ли семимильные сапоги к области фантазии. Под хождением семимильными сапогами мы разумеем... фантасти- ческий элемент в интересующей нас программе, который во втором № „Народной Воли“ выразился в уверенности относительно социально- революционного большинства в будущем русском учредительном со- брании ¹⁾ и в № 8—9 проявил себя в рассуждениях о „захвате власти временным революционным правительством“. Мы глубоко убеждены, что этот фантастический элемент в высшей степени вреден для самой партии „Народной Воли“. Как партии социалисти- ческой, он вреден ей тем, что отвлекает ее от непосредственных задач в среде рабочего класса в России; как партии, взявшей на себя инициативу нашего освободительного движения, — он вреден ей тем, что всегда будет отталкивать от нее много средств и сил, которые могли бы, при других условиях, притекать к ней из среды так называемого общества“ (стр. 56—57). Действительно, в своей подготовительной деятельности народовольцы большие надежды возлагали на поддержку либеральной части общества, затем офицер- ства и, наконец, на сочувствие Европы. Но если это так, то какой смысл пугать их социальной революцией? „Разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой по словам „Народной Воли“ будут добиваться крестьянские депутаты? Западно-европейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где „красный призрак“ принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, либералы готовы были искать защиты в объятиях самой бесперомонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила? Если так, то на чем основывал он свое убеждение? Думал ли он также, что современное „общественное мнение Европы“ до такой степени проникнуто социалистическими идеями, что будет сочувствовать созыву социально-революционного учредительного собрания? Или он думал, что трепеща красного призрака у себя

¹⁾ Вот подлинное выражение— „90% депутатов от крестьян и, если пред- положить, что наша партия действует с достаточной ловкостью—от партии“.

дома, европейская буржуазия будет аплодировать появлению его в России? Само собой разумеется, что ничего подобного он не думал и ничего подобного не забывал. Но зачем же в таком случае было делать это рискованное заявление? По мнению автора, оно должно было примирить правых народников с уклонением в сторону политики. „Эта уверенность (в социалистическом большинстве будущего учредительного собрания) была не более как фикцией, придуманной для соглашения несогласимых между собою элементов народо-вольческой программы“... Далее Плеханов подвергает решительному осуждению мысль о захвате власти, который должен был бы доставить партии возможность совершить экономический переворот“... Мы не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собой последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую на известной ступени общественного развития должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собой это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. Den Teufel halte, war ihn hält! говорит Фауст. Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это, в особенности, можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непродуцирующих классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно понимание этой задачи предполагает развитый рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям. Не позволит по той простой причине, что он проходит школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арене исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит по-

тому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опека была бы вредной, так как сознательного участия производителей не заменит никакая конспиративная сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков... До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен. Так понимаем мы вопрос о захвате власти в социалистической революции. Применяя эту точку зрения к русской действительности, мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России" (стр. 61—63) ¹⁾.

Но, будучи по существу своему совершенно утопической (ибо народovolьцы не верили в возможность сознательного и организованного выступления ни со стороны крестьянства, ни со стороны рабочего класса), мысль о захвате власти в руки социалистов, естественно, должна была лишь отталкивать как русских либералов, так и буржуазную Европу от всякого сближения с подобным революционным движением. „Как ни забито, как ни задавлено русское

¹⁾ Интересно отметить, что Плеханов и другие члены группы действовали, повидимому, исключительно на свой страх, без прямой связи или санкции со стороны Маркса и Энгельса, которые в то время имели непосредственные сношения с их противниками из „Народной Воли“ и выражали им частично свое сочувствие. Тем не менее, точка зрения Плеханова, несомненно, ближе выражала сущность их взглядов на русские дела. В этом отношении чрезвычайно интересна беседа Г. Лопатина с Энгельсом в сентябре 1883 г., напечатанная полностью в № 2 журнала „Голос Минувшего“ за 1923 г. Как видно из нее, Маркс и Энгельс говорили о задачах не социалистической, а только революционной партии или партии действия в России и вместе с тем подчеркивали, что эта задача заключается в данную минуту „не в пропаганде нового социалистического идеала и даже не в стремлении осуществить этот далеко еще не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей временного правительства, а в направлении всех сил к тому, чтобы 1) или принудить государя созвать земский собор, 2) или же путем „устранения“ государя и т. п. вызвать такие глубокие беспорядки, которые повлекли бы иначе к созыву этого собора или чего-либо подобного“... Отсюда ясно, что к этому моменту для Маркса и Энгельса было уже вполне очевидно, что капитализм в России неизбежен, и что революция при данных условиях будет носить не социалистический, а буржуазный характер.

общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохранения и ни в каком случае не пойдет добровольно на встречу „красному призраку“; указывать ему на такую постановку задач партии — значит лишать себя его поддержки и рассчитывать лишь на свои собственные силы.... В виду всего сказанного, мы думаем, что единственной не фантастической целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России — с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая вместе с „правами человека“ обеспечила бы рабочим „права гражданина“ и дала бы им, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока „красным призраком“, такая политическая программа вызвала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма... Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества — значит отдалять наступление и того и другого. Но от нас зависит сблизить эти два момента“¹⁾.

Как выше уже было отмечено нами в первой главе, мысль о том, что укрепление начал политической свободы в России находится в зависимости от развития у нас буржуазии, была высказана еще Белинским. Но более детальное обоснование она получила лишь у Фр. Энгельса в его полемике с Ткачевым (1875)²⁾. Соглашаясь последним, что „Россия вне всякого сомнения накануне революции“, он, однако, отказывался признать вместе с ним „инстинктивную революционность“ русского крестьянства. Хотя оно и поднимало бесчисленное множество отдельных восстаний, но они направлялись всегда против дворянства и отдельных чиновников и иногда — против царя, исключая случаев, когда во главе его становился самозванец, заявлявший притязание на царство, как то-

¹⁾ Социализм и политическая борьба. Изд. „Пролетариат“. 1906 г., стр. 61—73.

²⁾ Фр. Энгельс о России (Socialen aus Russland). 1906 г., стр. 29—30.

было во время Пугачевского бунта. Поэтому расчеты на революцию связываются у Энгельса с тем, что самодержавие в России „с каждым днем становится во всё более и более резкое противоречие с воззрениями культурных классов, особенно быстро растущей буржуазии крупных городов, но неспособно уже при нынешнем своем представителе понимать самого себя и делает сегодня уступки либерализму с тем, чтобы завтра, испугавшись, взять их обратно... Ко всему этому присоединяется всё крепнущее в среде сосредоточенных в столице культурных слоев населения убеждение, что так это продолжаться не может, что преобразование неотложно, необходимо... Здесь соединились все элементы революции, революции, которая, — будучи начата высшими классами столицы, быть может, даже самим правительством, — будет неизбежно вынесена на крестьянских плечах дальше, за пределы первой конституционной фазы... Эта революция приближается верными шагами. Только два фактора могли бы отсрочить ее на более продолжительное время: удачная война с Турцией или Австрией, для чего нужны деньги и прочные связи, или же преждевременное восстание, которое снова толкнуло бы имущие классы в объятия правительства“. К той же мысли самостоятельно, но гораздо позже, пришел затем и Чернышевский. „Будем теперь глядеть на купца, говорил он в середине 80-х годов. — Когда купец не только тарифов, но и прав потребует, и не с благодарностью за прошлое, а грозя будущим, тогда наступит конец старым порядкам“¹⁾.

Эта мысль была, конечно, совершенно не народнической, ибо народники или вообще не допускали возможности появления сильной буржуазии в России, или смотрели на конституцию, исходящую от либералов, как на новое ярмо, накладываемое на шею народа. Но она не была, употребляя позднейший термин, и социал-демократической, ибо оставалась слишком неразвитой и туманной, и в отношении к вопросу об организации рабочего класса в самостоятельную партию из этой мысли можно сделать два совершенно противоположных вывода. А именно, можно было, во первых, вести

¹⁾ „Русское Богатство“ 1905 г., № 3. — Даже Герцен со свойственной ему непоследовательностью склонялся иногда к подобному же выводу. Так в письме из Неаполя, относящемся к осени 1863 г., мы встречаем следующие характерные строки: „Глядя на то, как здесь при отсутствии сильной буржуазии столичная чернь остается лаццарони, по неволе приходит в голову, что народ, по тяжелому закону selection, только и поднимается через буржуазию к более развитой жизни“.

рассуждение далее следующим образом: так как Россия вступила на путь капиталистического развития и у нас неизбежно образование буржуазии, которая и должна завоевать политическую свободу, то рабочему классу нет надобности пока тратить свои силы на организацию самостоятельной партии; таков был ход мыслей значительной части впередовцев в семидесятых годах; так рассуждали затем в девяностых годах представители, так наз., экономического направления и авторы *Credo*. Но можно было также аргументировать иначе и, выводя необходимость образования у нас самостоятельной рабочей партии из общих целей, преследуемых современным рабочим движением, факт заинтересованности буржуазии в изменении государственного строя в России класть лишь в основу соображений о тактике партии, заключая из него о возможности и желательности соглашений и совместных действий с либеральными элементами страны; эту точку зрения в законченном виде развила впервые группа „Освобождение Труда“.

Другой очередной проблемой был вопрос об отношении к крестьянскому движению. Основные вехи его были намечены уже несколько ранее Фр. Энгельсом в ответной брошюре на открытое письмо Ткачева, появившейся в 1875 г. Здесь отмечается, что самые условия, в которые поставлен теперь русский крестьянин актом 1861 г., толкают его „на путь движения—правда, еще только зарождающегося, но, благодаря ухудшающемуся с каждым днем экономическому положению крестьянской массы, развивающегося с неудержимой силой. Грозное недовольство крестьянства есть уже теперь факт, с которым должны считаться как правительство, так и все недовольные и оппозиционные партии“. Однако, революционный и социалистический характер этого движения решительно берется им под сомнение. Революционного толчка он ожидает от городской буржуазии, а социалистического—от западно-европейского пролетариата. Несколько иначе разрешает вопрос Плеханов. „Годы пребывания за-границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России; что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения и что они не могут развиться в высшую коммунистическую форму без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной рабочей социалистической партии“,—так говорится в предисловии к бро-

шюре „Социализм и политическая борьба“; а в конце ее автор снова возвращается к тому же вопросу. „Мы не держимся того взгляда, скорее навязанного школе Маркса, чем существующего в действительности,—по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьянской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. Мы думаем, что в общем русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду, так называемую, „национализацию земли“. При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требование такого рода мер в свою программу. Но мы не преувеличиваем сил наших социалистов и не игнорируем тех препятствий, того сопротивления среды, с которыми им неизбежно придется считаться в своей деятельности. Поэтому, и *только поэтому*, мы думаем, что им следует на первое время сосредоточить главное свое внимание на промышленных центрах. Современное сельское население, живущее при отсталых социальных условиях, не только менее промышленных рабочих способно к сознательной политической *инициативе*, но и менее их *восприимчиво* к движению, начатому нашей революционной интеллигенцией. Ему труднее усвоить социалистические учения, потому что условия его жизни слишком непохожи на условия, породившие эти учения. К тому же крестьянство переживает теперь тяжелый, критический период. Прежние „старо-дедовские устои“ его хозяйства рушатся; „сама несчастная община дискредитируется в его глазах“, по признанию даже таких „старо-дедовских“ народнических органов, как „Неделя“; новые же формы труда и жизни еще только складываются, и этот созидательный процесс обнаруживает наибольшую интенсивность именно в промышленных центрах. Как вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образует в других местах новые осадки и отложения, так процесс русского социального развития образует новые общественные формации, разрушая вековые формы отношения крестьян к земле и друг к другу. Эти новые общественные формации носят в себе зародыши нового общественного движения, которое одно только и может положить конец эксплуатации трудящегося населения России. Промышленные рабочие, обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство, примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе

с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства. Говорим о *систематической пропаганде* потому, что отдельные случаи пропаганды и агитации в крестьянстве, конечно, не должны быть упускаемы и в настоящее время. Едва ли нужно прибавлять, что наши социалисты должны были бы изменить распределение своих сил в народе, если бы в среде крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движение". Точно также в первом проекте программы русских социал-демократов, составленном в 1884 г., указывается, что группа „Освобождение Труда“ нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России; но только при современных условиях социально-политической борьбы работа интеллигенции должна быть направлена на более развитой слой именно—на промышленных рабочих. Лишь через них, заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большей, чем до сих пор, надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство. Само собой, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение. Но во втором, окончательном проекте программы, относящемся к следующему году, эта последняя фраза была уже выкинута и заменена другой, гораздо более сдержанной. „Само собой, впрочем, разумеется,— говорится здесь в примечании,— что в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только оттолкнут от себя таких людей, но приложат всё старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности". Как видит читатель, здесь уже не высказываются надежды на возможность самостоятельного и сильного крестьянского движения в России, но самая необходимость и важность работы в деревне вполне признается. В книге „Наши разногласия“, вышедшей в 1884 г., Плеханов подробнее развивает свой взгляд на эту сторону дела. „Начиная с конца семидесятых годов, т.-е. со времени разделения общества „Земля и Воля“, — говорится там, — революционная деятельность в крестьянской среде не только не расшарялась, но суживалась всё более и более. В настоящее время ее без большой

ошибки можно приравнять к нулю. А, между тем, за всё это время не было недостатка в людях, полагавших, что центр тяжести всего нашего революционного движения немедленно должен быть перенесен в крестьянскую среду. Откуда это противоречие? Несправедливо было бы подозревать народников в бездеятельности, трусости и нерешительности. Остается думать, что они поставили себе задачу, неисполнимую при настоящих условиях, что не с крестьянства должна начинаться наша интеллигенция свое революционное слияние с народом. И мы, действительно, так думаем. Связующим звеном между нею и крестьянством должны послужить силы нарождающегося пролетариата; они, и только они, могут заполнить историческую пропасть, отделяющую „народ“ от „образованной“ части общества. Через них и с их помощью социалистическая пропаганда проникнет во все закоулки деревенской России. Пока у нас нет рабочей партии, выступающие в городах революционеры по неволе обращаются „к обществу“, так что фактически они являются его революционными представителями. Народ отодвигается на задний план, а этим не только замедляется установление связи между ним и интеллигенцией, но нарушается и существовавшая прежде связь между „сельскими“ и „городскими“ революционерами из самой интеллигенции. Отсюда—взаимное непонимание, разногласия, расхождения“. „Не то было бы, если бы политическая борьба в городах приняла, главным образом, рабочий характер. Тогда городские и сельские революционеры различались бы между собой лишь по *месту*, а вовсе не по *сущности* своей деятельности; и те, и другие были бы представителями *народного* движения в различных его видах“... Революционные силы тогда распределялись бы следующим, весьма простым способом: „в деревню пойдут все те, кого вынуждают к этому профессиональные обязанности. Само собой разумеется, что таких будет не мало. В то же время люди, имеющие возможность поселиться в городах или промышленных центрах, направят свои усилия на рабочую среду и постараются сделать из нее авангард русской социал-демократической армии. Такова наша программа. Она не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышленных рабочих. Она ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения“¹⁾. Но так как деревня по

¹⁾ Цит. по 2 изд. 1906 г., стр. 304—305.

прежнему пребывала в состоянии подавленности и какого-то опеченения, а народничество, с другой стороны, продолжало занимать непримиримую позицию, отталкивая протянутую социал-демократами руку, то новое направление, естественно, стало всё более и более подчеркивать свой пролетарский характер, тем более что в рабочей среде, в отличие от крестьянства, стали всё чаще и чаще обнаруживаться случаи активных выступлений. Выбранный делегатом на международный социалистический конгресс в Париже (1889 г.), Плеханов уже решительно и без всяких оговорок заявил, что „задача нашей революционной интеллигенции сводится, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердую самодержавия. *Революционное движение в России может восторжествовать только, как революционное движение рабочих.* Другого выхода у нас нет и быть не может“. Здесь уже обнаруживается значительное расхождение с точкой зрения Энгельса, который все надежды на революцию в России возлагал на городскую буржуазию и на поддержку ее в дальнейшем ходе крестьянством, но совершенно еще не упоминал о пролетариате, как самостоятельной силе...

Общий взгляд сторонников марксистского направления на ход экономического развития, т.-е., главным образом, на судьбы капитализма в России, был развит впервые наиболее подробно Плехановым в упомянутой уже нами книге „Наши разногласия“, посвященной специально полемике с возродившимся народофильским течением в лице незадолго основанного перед тем за-границей журнала „Вестник Народной Воли“. Возражая Тихомирову на его утверждение о хилости и безнадежности русского капитализма, автор из анализа того материала, который в большом количестве накопился уже в литературе, выводит совершенно противоположное заключение. „Ясно, внятно, убедительно говорят цифры, что, по крайней мере, по отношению к промышленности обрабатывающей нам пора уже перестать закрывать глаза перед действительностью; пора уже убедиться, что действительность эта имеет очень мало общего с теми наивными иллюзиями, которые характеризовали народнический период нашего движения. Пора иметь мужество сказать себе, что в названной сфере не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит у нас капитализму“ (стр. 153). Конечно, указания на медленный, сравнительно с Западом, ход его развития имеют под собой почву, но „не обуславливается ли „ту-

гое развитие" русской промышленности влиянием современного политического гнета? Что свободные учреждения составляют необходимое условие капитализма на известной стадии его развития— это давно уже известно каждому, как в Европе, так и в России, где еще в пятидесятых годах раздавались голоса, требовавшие свободы ради успехов промышленности. Г. Тихомиров мог бы с большою для себя пользой прочесть речь покойного И. Бабста „О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала“, произнесенную в июне 1856 г., в торжественном собрании Казанского университета. Эта речь помогла бы ему понять, каким образом тот же самый капитализм, который прячется сначала под „мантией самодержца“, приходит мало по малу в противоречие с интересами абсолютной монархии и начинает фрондировать, разумеется, по своему, умеренно и аккуратно. „Трудно себе представить, до какой степени дурная администрация, отсутствие безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурные учреждения действуют губительно на бережливость, накопление, а вместе с тем и на умножение народного капитала,—говорит названный экономист.—Междоусобные войны, борьба политических партий, нашествия, мор, голод не могут иметь того губительного влияния на народное богатство, как деспотическое и произвольное управление... Капиталы и накопления их только тогда исполняют свое настоящее назначение, когда открыта полная и свободная стезя для их деятельности“. Что интересы русской буржуазии приходят теперь в непримиримое противоречие с интересами абсолютизма—это знает всякий, следивший хоть с некоторым вниманием за ходом русской жизни в последнее десятилетие. ...Наша буржуазия переживает теперь важную метаморфозу: у нее развились легкие, которые требуют уже чистого воздуха политического самоуправления, но в то же время у нее не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она продолжает дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма. Корни ее сидят еще в почве старого режима, но верхушка ее достигла уже развития, указывающего на необходимость и неизбежность пересадки“ (стр. 116—117, 120—121). Мнение о невозможности развития капитализма в России вследствие отсутствия внешних рынков опровергалось, в свою очередь, указанием на важное значение и широкие размеры нашего внутреннего рынка и на неправильное истолкование фактов из истории Запада. Сначала Англия одна господствовала на международном рынке, потом конкурентами выступили Франция и Германия, затем Америка и т. д. „В. В. думает,—

писал несколько позже Плеханов, — что, раз добившись господства на всемирном рынке, более развитые в промышленном отношении страны окончательно закрывают доступ к нему менее развитым странам и тем толкают эти последние на путь социальной реформы, каковая реформа и должна быть предпринята будто бы стоящим выше классовых интересов правительством, например, правительством...самодержца всероссийского. Факты же показывают совсем обратное. Они говорят нам, что менее развитые страны не стоят на одном месте, а постепенно расчищают себе путь на всемирный рынок и своею конкуренцией толкают более развитые страны на путь социальной революции, которая будет совершена сознавшим свою классовую задачу пролетариатом, опирающимся на свои собственные силы и захватившим политическую власть в свои собственные руки“.

Но если область обрабатывающей промышленности захватывалась капиталом всё более и более, и торжество его здесь становилось очевидным даже для многих народников, то как обстоит дело в земледелии, где находит себе занятие подавляющая часть населения? Не является ли община непреодолимым препятствием для проникновения сюда новых, чуждых ей начал? На это марксисты отвечали отрицательно, ибо считали, что независимо от того, крупное или мелкое производство возьмет верх в области земледелия, дни общины, во всяком случае, сочтены. В противовес указаниям на необыкновенную прочность русской общины, которая пережила и междуусобия удельного времени, и монгольское иго, и реформы Петра ¹⁾, Плеханов подчеркивает, что эта прочность объясняется лишь недавним развитием в России денежного хозяйства. „До уничтожения крепостного права почти всё общество, а в значительной степени и государственное хозяйство России, было хозяйством натуральным, в высшей степени благоприятным сохранению поземельной общины... В основе московского деспотизма лежали именно те вековые устои народной жизни, которыми восхищаются наши народники. Это одинаково ясно понимали и

¹⁾ Б. Чичерин высказал в 1856 г. взгляд, что русская община вовсе не такого древнего происхождения, как это обыкновенно думают, и явилась результатом реорганизации податной системы Московского государства; в настоящее время это мнение можно считать, пожалуй, господствующим. См., напр., Туган-Барановский, Основы политической экономии. 1909 г. „В центральной России уравнильно-передельная община сложилась, вероятно, не ранее конца 17 века“ (с. 271).

реакционный бар. Гакстгаузен, и революционный агитатор Бакунин. Будь Россия изолирована от экономических и политических влияний западно-европейской жизни, трудно было бы и предвидеть, когда история подкопает, наконец, экономический фундамент ее политического устройства. Но влияние международных отношений ускорило естественный, хотя и медленный, процесс развития денежного хозяйства и товарного производства. Реформа 19-го февраля была необходимой уступкой новому экономическому течению и, в свою очередь, придала ему новую силу. Община не сумела, да и не могла приспособиться к новым условиям. Ее организм надломился, и только ослепленные люди не замечают теперь признаков ее разложения“ (с. 164). Развитие меновых отношений мало по малу распатало сельскую домашнюю промышленность, отделив ее от земледелия и тем лишив мелкое хозяйство одной из важнейших опор его замкнутого существования. Чтобы покрыть образовавшийся отсюда дефицит и занять освободившееся таким образом время, значительная часть сельского населения должна была обратиться к продаже своего труда. С другой стороны, тяжесть налогов, лежащих на земле, непрерывно увеличивается, и при современных исторических условиях не может не увеличиваться; и это обстоятельство в связи с ростом населения делает неотложной интенсификацию земледелия, которая, в свою очередь, требует значительных затрат капитала и свободы в выборе систем полеводства. Не спасая деревню от пролетариата, община вместе с тем затрудняет процесс приспособления ее к новым условиям жизни, и вытекающая отсюда задержка в развитии производительных сил является главной причиной нашей экономической и культурной отсталости и нищеты. В то время как народники в разорении деревни, неурожаях, уменьшении потребления масс, тяжелых кризисах и т. п. винили капитализм вообще, марксисты, наоборот, главное зло видели в недостаточности его развития, в сохранении у нас многих остатков натурально-хозяйственного строя, каковы, напр., общинное землевладение в области экономической и абсолютизм — в области политической. Выше мы уже видели, что с конца семидесятых годов в народничестве появляется, так сказать, пессимистическое течение, представители которого уже отчаиваются в возможности для общины успешно противостоять разрушительному влиянию денежно-меновых отношений, при чем одни из них (Николай — он) все надежды, в смысле переустройства как земледелия, так и промышленности на социалистических началах, возлагали на правительство и обра-

зованную часть общества, другие же (народовольцы)—на захват власти революционерами.

Марксисты относились одинаково отрицательно как к тому, так и к другому способу решения вопроса, считая, что переустройство общества на новых началах может осуществить только сам народ, но не тот народ вообще, как думали старые народники 60-х и 70-х годов, а именно городской и сельский пролетариат, подготовленный и воспитанный к выполнению своей исторической миссии тяжелым процессом классовой борьбы, развертывающейся в недрах капиталистического строя. Нужно заметить, однако, что, ведя энергичную борьбу против утопических воззрений народничества, Плеханов делает им кое-какие уступки, которые плохо вяжутся с реалистическим духом марксизма. Говоря, напр., о неизбежности у нас капитализма, он вместе с тем утешает своих противников соображением, что это торжество будет непродолжительным и что первый же политический переворот послужит началом его конца.

„Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия „пришла слишком поздно“, то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным“ ¹⁾. — „Наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвести, за это ручается нам могучее влияние международных отношений“, и тогда под влиянием рабочей партии „сохранившиеся сельские общины, действительно, начнут переходить в высшую коммунистическую форму. Тогда выгоды, представляемые общинным землевладением, станут действительными, а не только возможными, и народнические мечты о самобытном развитии нашего крестьянства осуществляться по отношению, по крайней мере, к некоторой его части. Таким образом, силы, освобождающиеся при разложении общины в некоторых местностях России, могут предохранить ее от полного разложения в других местностях“ ²⁾... Очевидно, из тактических соображений Плеханов не хотел тратить сил на борьбу с прочно укоренившимся мнением о близкой гибели русского капитализма, чтобы тем легче убедить читателя в необходимости содействовать политическому перевороту. Очень важно при этом

¹⁾ Социализм и политическая борьба, стр. 73.

²⁾ Наши разногласия, стр. 286 и 300.

отметить, что эту гибель он связывал с развитием международных отношений. Ибо, с точки зрения условий внутреннего развития для него, как марксиста, не могло не быть очевидным, что, если падение абсолютизма в России диктуется интересами развития капитализма, то оно не может служить началом гибели последнего.

Последующий ход событий показал, что и у нас падение абсолютизма, хотя оно и являлось сильно запоздавшим, не может быть связано с ликвидацией капиталистических форм народного хозяйства. Вместе с тем и шансы общины на переход в высшую коммунистическую форму, хотя бы в некоторых местностях, от этого несколько не поднялись; совершенно даже наоборот: то, перед чем в нерешительности отступало самодержавное правительство, стало одной из первых задач „конституционного“ кабинета П. А. Столыпина: указ 9 ноября 1906 г. — впоследствии закон 14 июня 1910 г. — провозгласил государственной необходимостью форсированное разрушение общинного землевладения и образование на его развалинах частной собственности. Если с народнической точки зрения, рассчитывавшей на законодательное закрепление общины, такой способ ликвидации вопроса, в течение многих десятилетий раскалывавшего нашу интеллигенцию на два противоположных лагеря, представляется совершенно неожиданным¹⁾, то для марксистского направления он должен был представляться предопределенным уже давно. Не помогла общине даже и октябрьская революция. Совершив экспроприацию помещичьих имений и расширив площадь крестьянского землепользования, она, вместо содействия переходу общины в высшую форму, усилила лишь тягу на хутора и отруба...

Подводя итог взглядам группы „Освобождение труда“ на характер экономической эволюции России, мы можем выразить его следующими словами Плеханова: „Все наиболее новые, а потому и наиболее влиятельные течения нашей общественной жизни, все наиболее знаменательные факты в области производства и обмена — имеют один несомненный и бесспорный смысл; они не только расчищают дорогу капитализму, но и сами являются необходимыми и в высшей степени важными моментами его развития. *За капи-*

¹⁾ Как говорит в своем письме в редакцию „Современника“ (1911 г., № 1) М. Антонович, „прежний национальный устой, при существовании которого мечталось о возможности для России, минуя капиталистическую фазу экономического развития, прямо шагнуть в научный социализм..., теперь убит одним взмахом“.

тализм вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость его движения. *Против капитализма* лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая по временам так больно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой, земледельческой страны. Но крестьяне не достаточно сильны, чтобы защищать свои действительные интересы; с другой стороны, они часто не достаточно заинтересованы, чтобы энергично отстаивать старые принципы своего общежития. Главный поток русского капитализма пока еще не велик; еще не много таких мест в России, где отношения нанимателя к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе; но в этот поток со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна, и быстрый сильный рост потока не подлежит сомнению. Его уже нельзя остановить, еще менее его можно высушить; остается лишь регулировать его течение, если мы не хотим, чтобы он принес нам один только вред, если мы не отказываемся от надежды, хотя отчасти, подчинить стихийную силу природы разумной деятельности человека“.

Каков же должен быть характер деятельности демократической интеллигенции, которая усвоила бы себе вышеуказанные взгляды и пожелала бы заняться урегулированием капиталистического потока экономической жизни в интересах народа? На этот вопрос должен был дать ответ проект программы „русских социал-демократов“, напечатанный в окончательном виде группой „Освобождение труда“ в 1885 г.

„Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран,— говорится в проекте,— стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность всех средств и предметов производства, который повлечет за собою: а) устранение современного товарного производства и б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану в целях удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов, в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время. Отмечая далее международный

характер движения и необходимость захвата рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран, проект подчеркивает, что практические задачи, а, следовательно, и программы социал-демократов должны иметь более сложный характер в тех странах, где капиталистическое производство, как, напр., в России, только стремится еще стать господствующим, и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам... Такое положение дел было бы вполне безнадежным, если бы развитие капитализма не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, он легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие. Поэтому борьба против него обязательна даже для тех кружков, которые представляют собою теперь зачатки будущей рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой задачей, и главным средством политической борьбы против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и даль-

нейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций.

„Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему на него нападению, при чем не останутся и перед, так называемыми, террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

„Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции на основе всеобщего избирательного права, как при выборах в законодательное собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления. Далее следуют: всеобщее, светское, даровое и обязательное образование; неприкосновенность личности и жилищ; свобода совести, слова, печати, собраний и ассоциаций; свобода передвижений и занятий; полная равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения; замена постоянного войска всеобщим вооружением народа и пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, в целях отмены сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

„Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как напр.: 1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделение ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным и т. п. 2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога. 3) Законодательное урегулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей инспекции с представительством от рабочих. 4) Государственная помощь производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

„Эти требования,—говорится в заключении,—настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добываясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим

агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратно лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства“.

Всматриваясь внимательнее в этот проект, мы видим, что он представляет собой дальнейшее усовершенствование программы, выработанной Северным Союзом русских рабочих. Разделение программы на две части—одну, устанавливающую конечную цель движения, и другую, в которой намечаются требования, могущие быть реализованными в рамках капиталистического строя и служащие подготовлением для осуществления этой конечной цели,—введенное впервые Союзом, проведено и здесь, но уже с гораздо большей логической законченностью. Вместо запутанных и внутренне противоречивых построений, в которых требования, составляющие в своей совокупности то, что называется политической свободой, уживались с абсолютизмом, мы находим теперь вполне определенную и точную формулировку ближайших задач рабочей партии: ниспровержение абсолютизма и завоевание демократической конституции. Затем мы не встречаем уже более пункта о свободной федерации общин, который сохранился в программе Северного Союза, как остаток влияния бабунинского анархизма, но зато такой пункт, как требование государственной помощи производительным ассоциациям, т.-е. артелям, образуемым крестьянами и рабочими, остался попрежнему. Нельзя не видеть здесь некоторой уступки, народническим взглядам со стороны группы „Освобождени Труда“; точно так же как признание ею террористической борьбы было уступкой народовольческой тактике. Впрочем, признание это было чисто платонического характера, ибо из числа средств обычной, повседневной борьбы террор исключался и группой „Освобождение Труда“; в самой же России социал-демократы заняли по отношению к нему с самого начала совершенно определенную отрицательную позицию ¹⁾. При наличности массового движения,—говорили они,—террор излишен; при отсутствии же его он бесполезен или даже прямо вреден; бесполезен потому, что путем террористических актов совершенно расшатать правительственный механизм нельзя, и на место одного лица явится другое, и вреден тем, что луч-

¹⁾ М. Лядов. История российск. соц.-демокр. рабочей партии. Ч. 1-ая стр. 95 — 96, 1906 г.

шие силы и средства партии, таким образом, отвлекаются от организации и пропагандистской работы. Интересно отметить, что и Лавров, состоявший одним из редакторов „Вестника Народной Воли“, относился несочувственно к нему. „Дозволительны ли формы террора?“ — спрашивает он в „Письме товарищам в России“ (1888 г.) и отвечает отрицательно. „Мне приходилось слишком часто в 1880 и 1881 годах, когда вся молодая эмиграция была на стороне этих приемов, публично предупреждать слушателей об их опасностях, чтобы меня даже добросовестные противники сочли террористом. Я указывал тогда на возможное возмущение общества против террористов, но в этом отношении мои опасения были излишни: правительство воспитало в русском обществе слишком много неуважения к законным мерам и к жизни личности, чтобы это возмущение могло развиваться, а русские террористы были более осторожны в своих действиях, чем можно было ожидать. Я указывал на опасность истощения сил партии в продолжительной террористической борьбе с более многочисленным противником, и мои опасения, к сожалению, оправдались. Я указывал еще на одну опасность: на возможность появления в ряду доверенных лиц и даже руководителей людей, которые не только не оправдают доверия, но вполне обманут его. Примеры Гольденберга и Дегаева были уже печальным подтверждением моего опасения; к нашему общему горю, пришлось мне увидеть еще новый, более тяжелый пример (раскалание Тихомирова). Террор есть оружие крайне опасное и остается крайне опасным в России; тяжелую ответственность берут на себя те, которые к нему прибегают; но не эмигрантам, давно уже оставившим отечество, можно произнести приговор о его целесообразности в том или другом случае. Комитет „Народной Воли“ взяв на себя эту ответственность и был поддержан долго общественным мнением в России, привлек к себе значительное число живых сил ее. Ошибался он или нет, — я судить не решаюсь, так как окончательная неудача не есть доказательство ошибки в теории“. В виду этого сдержанно-отрицательного отношения Лаврова к террору, принципиальная защита его была возложена на другого редактора, не задолго перед тем прибывшего из России — Л. Тихомирова, который и выполнял эту задачу с большим жаром. По странной иронии судьбы, однако, вскоре после прекращения журнала, Тихомиров также пришел к заключению об ошибочности своего взгляда на этот предмет.

„С точки зрения политической выгоды,— писал он в предисловии ко второму изданию своей книги „La Russie politique et sociale“, помеченном 20 февр. 1888 г., т.-е. приблизительно за полгода до своего ренегатства, — я нахожу террористический принцип совершенно ложным. Одно из двух: или имеется достаточно сил для изменения режима путем ниспровержения правительства, которое противится этой перемене, — или их нет. В первом случае нет никакой нужды в политических убийствах; во втором — эти убийства не приведут ни к чему... Беспольный или бессильный, терроризм не есть система политической борьбы“ ¹⁾.

Несмотря на осторожную и примирительную политику группы „Освобождение Труда“ (самое название ее было избрано для того, чтобы не слишком раздражать народников, в которых она видела возможных товарищей) ²⁾, новое направление встретило в широких кругах русского общества крайне враждебное отношение. Хотя имя Маркса было очень популярно среди русской радикальной интеллигенции, но приложение его идей в указанном виде к русской действительности в течение долгого времени казалось ей еретическим. Нужно было время для того, чтобы резче могли обнаружиться те экономические и общественно-политические изменения и тенденции, на которые указывало и от которых исходило новое направление, и потому только по прошествии полутора десятка лет, т.-е. уже во второй половине 90-х годов, было дано решительное сражение „русскому социализму“, где последнему и пришлось уступить занимаемое им господствующее положение.

Литература: Г. Плеханов, Социализм и политическая борьба. 1888.— Его-же, Наши разногласия. 1884.— Его-же, О задачах русских социалистов в борьбе с голодом, 1891.— Его-же, „Заря“ 1902, № 4 (Проект программы российской социал-демократической партии.)— Его-же, На два фронта. 1905.— Н. Ба ту рин, Очерк истории социал-демократии в России. 1906.— Л. Д ей ч, „Вестн. Евр.“ 1911, № 12 (Один из наших первых марксистов).— А. Е льн и ц к и й, Г. В. Плеханов. 1907.— В З а с у л и ч, Сборник статей, Т. II. 1906.— А. Т у н, История революционного движения в России — приложение I: Д. Кольцов, Конец „Народной Воли“ и начало социал-демократии,— М. Л я д о в, История Росс. Соц.-Демокр. Раб. партии,

¹⁾ Цит. по книге Шебеко — „Хроника социалистического движения в России“.

²⁾ Первоначально предполагалось назвать ее просто группой русских социал-демократов, но — по словам Плеханова — „это уже слишком резало бы ухо наших возможных товарищей, в течение долгих лет привыкших к анархической хуле на международную социал-демократию“.

ч. I. 1905—Л. Мартов, Пролетарская борьба в России, 1906.—Общественное движение в России в нач. XX в. 1910, т. II. ч. 2 (Статья А. Мартынова, Главнейшие моменты в истории русского марксизма).—А. Потресов, Этюды о русской интеллигенции. 1906.—Н. Рязанов, Группа „Освобождение труда“. 1906.—Его-же, Две правды. Народничество и марксизм. 1906.—Его-же, „Современн. Мир“ 1912, № 8—9 (К. Маркс и русские люди 40-х г. г.)—„Былое“ кн. 9 (1918) (Г. В. Плеханов)—О. Аптекман, „Былое“ кн. 16 (1921) (Из воспоминаний о Плеханове).—„Дела и Дни“, кн. 2-я (Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову).